

НАСТЯ САФРОНОВА

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Настя Сафронова
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

«Издательские решения»

Сафронова Н.

КОраблЕкрушение / Н. Сафронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503996-5

Рассказ повествует о семнадцатилетней девушке, которая болезненно травит себя мыслями о любви к священнику. Героиня испытывает себя, совершая безумные поступки в отступлении от чувств. Сможет ли она преодолеть все душевные терзания? Обретёт ли своё счастье? Или может убьёт ради жизни?

ISBN 978-5-00-503996-5

© Сафронова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

КОраблЕкрушение

Настя Сафронова

*Кораблекрушение – это скорее мысль-утопия,
нежели гибель.*

Редактор Полина Сидоренко

© Настя Сафронова, 2019

ISBN 978-5-0050-3996-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В начале любой истории есть одиночество содержания. Я сама по себе наедине с мыслями, я не раз, сворачивала башку истории, меня не раз одолевали сомнения, как всё должно быть. В какой то момент я поддаюсь стуку по клавишам из под машинки, и уже не важно, что выходит из под рук, я просто прислушиваюсь к монотонному звуку словно гипнотически подчиняюсь ему. После середины я решаюсь перечитать историю и не просто перечитать, а вычитать из неё смысл, понять, что скрывают буквы, что они прячут от меня. Я снова и снова перечитываю, пока не начинаю ненавидеть своё воображение. Я бросаю всё из-за отсутствия ролевых игр в реальности, из-за отсутствия партнёров, да и вообще из-за отсутствия самой жизни в жизни. Материал зависает во времени. Я буду ходить по комнате, злостно поглядывать на стол, пытаюсь из тишины сформировать речь, я буду смотреть на груды бумажных осколков и буду точно знать, как установить новый контакт с текстом, но мне не хватает соперников с кем я поведу борьбу, нужно лишь дождаться внедрения их в историю. Мне всегда легко давалась связь с книгами, некий флирт, который позволял мне распространяться дальше, чем есть. Сам автор многое не упоминает о процессах из-за сложности печати, ещё никому не удавалось точно отсканировать себя, довольно трудно извращать своё сознание. Но я мечтала, о возможности заговорить диалогами широко и раскрыто, как о них пишут, я искала решения, делая счастливым верным, и у меня ничего не получалось от того, что не было людей, которые бы повлияли на ход событий, а у нас их дефицит. Не так много тех, кто стремится на край света за последним шансом (позже вы поймёте о чём я). Я люблю слова, я люблю читать и писать, думать над происхождением повествования. И мне хочется слышать о тех, кто приводит обычные классические умы в фантастические догадки сюжета, делая простого человека гением воображения. Я живу в том месте, где изобилие мыслей находится в постоянстве думать, но не распространяться. Я сама по себе и знаю, как испортить жизнь к лучшему. Природа расположила наш тихий дом далеко от современности. Хотя в нашем времени были упомянуты и влюбленные, кто построил наш дом с характером, до нас, если изящная картина и мягкое кресло, то чувствовался женский взгляд, а если чугунная вырезка у камина, плотная кладка камня, то мужские руки. Вот из такого союза вымостили наш дом: глаза женщины и руки мужчины, её взгляды и его хватка. Я не знаю от кого мне достался сто процентный зрячий мозг. Я видела, как после других остаётся уход и то, что они сделали, что сотворили с собой, как поступили друг с другом. Для меня повсюду оставались следы событий. Подле меня крутилась женщина, с которой я доживала свои творческие порывы, она растила меня с семи лет и состарилась от мамы до бабушки, а позже, после всех уходов людей из моей жизни, я переименовала её в самого родного человека, но и она не справилась с чужой ролью для неё, словно суррогат, смогла лишь одну вещь, вырастить в недрах своего дома, даже по принуждению со мной не справлялся бог, я и сама не имела такой силы воспитать себя правильно,

но тем не менее, я есть. Только здесь я двигаюсь вперед, с каждой строчкой рождаю новые жанры любви, проигрываю свои чувства к людям, и пока существует взаимодействия души и сердца, подобная связь никогда не потеряет своей ценности. Мне сложно лишь одно, сдерживать свою жестокую душу и вызволять свое скромное сердце. Сейчас я вступаю на порог первой главы, мне страшно, по настоящему страшно, ведь книга – это исповедь рассказчика, не вся целиком, но в ней есть непременно что-то болезненное, пусть даже отвечено сарказмом, а иначе нет смысла говорить без части себя. Я не принимаю себя, отторгаю свою внутреннюю правду, борюсь, сожалею, стыжусь себя, надеюсь, может однажды я смогу найти похожих людей на себя. Я пишу в настоящем времени, где прежде чем что-то вообразить нужно передумать, после, совершить, и лишь потом, предать огласки.

Глава 1

Всё вокруг в тёмно зелёных тонах, но лишь до линии горизонта, выше вид всегда чище, светлее. От нас начиналось синее море, мокрый песок, запах смолы и хвои, леса сменяющиеся полями и снова тянувшийся лес в глубину уходящей дали. Над нами туманной гущей проходят, низко бурлящие облака, вершины гор, поросшие прочными каменистыми резцами, которые то и дело впиваются в ботинки путникам, сбивая их с пути. Вид всегда имел продолжение. От забывчивости уперев взгляд в какое-то непонятое событие, происходящее лишь внутри меня, не упуская существование чего-то ещё из-за глаз, мое периферийное зрение смещалось довольно не объективно, обеспечивая мне не просто картину виденья, а скорее проекцию из моего сознания, дорисовывая элементы предположений.

Глава 2

Пожилая сожительница моя довольно умелая, с навыками своего мастерства, порой, угрожающая в своих речевых интонациях, дуэлянтка словесной брани, ворчливая, но вполне себе безобидная старушка со своими старческими шалостями, любительница поговорить без повода. Ну как иначе? Она служила знахаркой, вежливо удаленной от родившегося городского населения во избежание страха, непонимания местных жителей. Ведь находились те, кто с предвзятой уверенностью убеждал всех в её колдовских способностях, приносящую чертовщину бытию, кто то называл её лекарем, кто то ведьмой, колдуньей, ворожеей, заговорщицей и даже мифом о страшном чудовище, от которого пугались дети. Поэтому как только Глашка выбиралась в прилегающий город к нашему краю с ней даже словом ни кто не делился, все косились, да стороной обходили, а в старинные бы века и вовсе ставни по закрывали. Но были и безнадежные смельчаки, кому нужна была помощь в её стараниях. И даже приезжие туристы, веря в выдуманные истории о существовании магии, заглядывали за приворотным зельем. Отчаявшиеся люди всегда надеются на других, главное выбрать безошибочного помощника, а рецепт прост: хранить себя дальше от людского зарево, недоступным ни для кого, уметь расставлять внутренние знаки по маршруту к сердцу и не превышать душевного темпа, подобные правила приведут к собственной безопасности на пути к чувствам, в остальных случаях, столкновения неизбежно и придется испытывать способности безысходности. Наших гостей первыми не доверительными шагами принимал причал. Он тянулся от воды в глубину до самого дома, расчерченный кривыми дощечками, словно генетически не сложенные зубы чудака, выказывал свою ненадежность в ходьбе. На террасе можно было комфортно расположиться в плетёных стульях с узорчатыми подушками с бахромой на углах, они приходились по вкусу даже самым привередливым посетителем. На втором этаже располагался балкон. Он выходил от моей чердачной комнаты, низкий треугольный, не заставленный ни чем лишним, касался вида моря. Каждый раз заслышав шум мотора, я мчалась с любопытством наблюдать, как о причал бились носы припаркованных лодок, пожалуй, даже чаще чем сердца влюблённых. И вот под музыкальное сопровождения скрипучих дощечек, на моей высоте виднелись отчаявшиеся арестанты жизни. Они оживали с каждым звуком своих ног, что играли мелодию ожидания, зарождая новую нить событий, ну как после этого не любить обыденные вещи, которые так легко доводили меня до улыбки.

Глава 3

Утро наше обычно собиралось лениво после хорошей перебранки с Глашкой, ей не удавалось с первого раза выкрикнуть понятные требования с просьбой, а я с трудом могла оторваться от Стивена Кинга «Нужные Вещи», которой упивалась взахлёб, с желанием овладеть очередным ощущением героя, а тот ловко справлялся со своей задачей: оставлять интригу до конца своих страниц (звучало, как обещание). В такие моменты я испытывала злость от неравенства того, что я знала своего героя, а он меня нет. Я впадала в эмоциональную кому, пережив законченное знакомство истории, и от обиды начинала читать следующую книгу.

В промежуток словесного неповиновения я всё же стояла в кухонном проёме, опираясь о дверной косяк плечом. Изворотливая бабка поспевала за всем своим занятым процессом. Кухня кипела, дышала, шумела, будто какой-то агрегат. Глашка метилась на ней, словно бывалый вояка, где надо подмешивала, подливала, убирала, ставила, повторялась в своих движениях, и механизм продолжал работать под дирижированием Глашки. Я прищурила правый глаз и мысленно дорисовала бабки усяки с кепариком, чуть сбитым вперед, для прикрытия лицевого горизонта, папиросу во рту, которую перекидывала она туда-сюда, зажимая крепко в зубах, с уверенностью в своём деле, а мощной хваткой руки твёрдо упиралась в пол, котловой рогатулиной. При этом ещё могла выдерживать жизненные фразочки, «Эге-ге! Так держать!» Я оглядела остальное пространство, которое за четыре сезона не менялось. В углу, что потерял цвет дерева, на толстых палках — коромыслах висели соцветия трав задушенные ручной петлёй у корневища и отнянченные на бабкиных коленях. Гибли юные дарования природы. Эти пучки походили на маленькие тушки зверьков с перевёрнутыми вниз головами, и с содранными шкурками до шейного отдела, неподвижно сыпали сухую кровь лепестков. Вся колония находилась под потолком, где больше всего солнце накаляло воздух. Мне казалось всё здесь ужасным, даже еда была приправлена некой горечью полыни, запахам гари, удушающей вони желтизны, что выплёскивалась через край чугунных котлов на раскаленные пластины печи. Мне не нравилось воспитание кухни, вся её чернота и смертность достались моей душе, и некая часть гари осела где-то глубоко внутри меня, от счастья она и породила мою половину.

– И шо мы там встали со своим прищуром? Совсем ослепла от своих книжонок?

Бабка отвлеклась от суетливых дел, оперев руки в бока пристально посмотрела на меня.

– Звала?

– Не, ты шо, это я так, вдруг поорать захотелось, тихо, глухо, думаю, дай вскрикну.

И взглядом удивления приподняла свои брови, оголив тонкую кожу морщинистых век.

– Хм, ладо, тогда не буду мешать.

– Ты постой, постой, гадюка моя, а потом поди вон туды.

Она указала жестом вождя в сторону печи. Я повернулась на указывающий ориентир без особого интереса и заглянула за запечную стенку, увидев таз с уткой, я устало вздохнула, будто уже сделала, то что собиралась.

– Серьёзно? Теперь ещё и утка?

– Давай... Давай меньше язви, да бери таз и вперед! Можешь с песней, можешь с плясом, главное продуктивно! Шевелись! Не всё книжонки листать!

– Ох уж это разнообразие твоих просьб, будто, отмщение за мое личное время.

На выносе мой голос вытошнило, при виде заполненного таза с водой, в которой плавало и воняло что-то плавающее и вонючее с названием «Птицы». Я чувствовала себя принужденной, в безобразной фигуре образованной от тяжести в руках с патологическим накоплением.

– Твоё время – это безделье!

Бабка продолжала вальсировать вокруг печи, наработывая румянец щек. Стояла невыносимая летняя жара, которая врвалась в распахнутое окно в пол. Первые лучи солнца по шпи-

онски проникали к нам в кухню, находили яблочные банки, насыщали их янтарным цветом, после, отражались от остальных стекляшек, падали и разбиваясь на множество осколков, звеня легким звучанием. Глядя на весь световой сумбур, становилось тесно в резиденции света, как в переполненном помещении, где едва двигались люди, но с комфортом проживало солнце. Я часто поглядывала на окно, через которое можно было выскочит наружу, и бежать без оглядки, прячась в густых деревьях, защищая свою жажду в прохладной тени сплошного леса....

– Давай, будь леди с этим вкусным существом. Пусть в последние минуты не живой жизни она насладится вежливостью моего великодушия.

Я похлопывающими движениями успокаивала лежачего, которого не следовало бы трогать, если только отвратительно.

– Она тебя не слышит, а вот я – да!

Мы быстро переглянулись интересными взглядами собеседников. Каждый утаил постороннюю мыслишку.

– Ну ...Ну что тебе сказать? Ты старая женщина, которая слышит. Будь ты помоложе, пропускала бы все мои сумасбродства мимо ушей.

– Мирка, ты замуж-то собираешься?

Вдруг нахмурилась бабка; в очаровательном недоумении, обращаясь ко мне со своим профилем и кокетливо улыбаясь.

– Замуж – не на войну, быстрых сборов не требует! Ну, вот, и готово, мой командир! Никакого сопротивления оказано не было.

Бабка всё поглядывала на меня с врачебным интересом

Следующий процесс, вмешательство в приготовление птицы, был мало понятен мне. Мы вышли через окно (что уже не совсем правильно), я расправила утку в разные стороны, растопырив ей крылья, бабка знала толк в подобных вещах, скомандовав переворачивать в нужный момент, я доверительно кивнула. Она окатила её пламенем горелки, которое вырвалось не сдержанно. Через секунду запахло палёным, утка, покрылась копотью, мы искупали её в бочке подобно шаловливому ребенку, после обсушили.

– Теперь на вот, натри её.

Глашка обратилась ко мне, вручая пряный порошок с полки.

– Вот еще!

Лицо мое покрылось возмущением. Я отклонилась на оклик вытянутой руки.

– Ох, Мирка! Всё то, тебе наперекор выходит, какая же из тебя хозяйка будет: не умелая, неохотная.

Бабка вымахивала счётные движения, жонглируя пальцами, будто кухня огромная арена представлений, и уместно демонстрировала громкость голоса, доносящиеся до последних рядов зала (будь это действительно так).

– Кому нужны хозяйки в наше время? Скорее, добровольное согласие на рабство, за якобы живые чувства кликая на любовь при очередном блюде.

Я покривлялась.

– Так и люди тебя не поймут. Шо сотворила с тобой твоя немая наука? Сидишь там, на чердаке, шебуршишься, словно мышь какая, да? Кому это нужно...

Недоговорив, она отмахнулась.

Я писала от непонимания себя в жизненной принадлежности. Моя головоломка не складывалась в какую-то отрасль знаний, я не сворачивала, меня нигде не ждали. За всё время отсыла сюда я попробовала плести макраме, неумелыми руками и кривым негнушимся крючком. Я создала ни один мрачный альбом увядающих цветов, коллекцию прибрежных камней, о которые спотыкалась ни раз, и даже картины, временно интересовали меня. Гостиный шкаф бережно хранил забытые шедевры поиска. С буквами я чувствовала, свой язык, не выраженный многоточием, а доведенный до окончания мыслей. Начались долгие проводы в изгнание

тишины. Я вышла на террасу со стороны моря. Надо сказать, наш дом имел два выхода. Именно выхода, так как, выйти всегда сложнее чем войти, тот, что приводил к отчаянью и тот, что безоговорочно помогал справляться с внедренными последствия. Я предложила миру навыки приобретенной грусти. Спросить бы себя прежде, чем услышать других «От чего и как происходит мгновенная трансформация состояния в один миг».

Глава 4

Издали замаячило вхожее стадо с пастухом. Как же красиво! И в тот же момент нелепо разоделись эти здешние особы, выхаживая в своих однотонных платьях, с протяжным мычанием, будто зазывали заграничных кавалеров, большими платформами на ногах. Они бы падали рядами поочередно, ломая всякую надежду друг друга на устойчивость. Вот так отчаянно стремясь к совершенству, красота поклонялась лишь грязному дну зелёного луга, который выдерживал не раз подобное столпотворения бракосочетающихся коров. Несмотря на это, они всё же приходили и уходили быстрыми набегами. Наблюдая за ними, я то и дело спрашивала себя, а есть ли часы у времени? Знает ли она сколько тратить ожидание других? Молчание...

Пастуху надо было уделить особое внимание, проявив опасность, подобные любовники свободолобивые, поток их крови быстрее воды, несётся мгновенными ощущениями, однократно наполняя китайскими чувствами, сначала красиво, а после ненадежно. И с чего вдруг моё мнения связалось с некачественной нацией? Босоножки!? Которые тоже отличались непрочностью, они расползались, как только я возлагала на них большие надежды. А вообще я как-то читала про Казанову, и что всё дело действительно основано на крови, у таких людей не души, а окна, в которые можно заглянуть. В их голосах слышна улыбка и враньё, всегда востребованное даже самая целомудренная скромница не прочь избаловать свои уши ласковой ложью. И быть довольной заложницей такой ситуации. Я и сама не прочь любопытных глаз, но в банные окна. В горячем зное я вся сдавленная собой в прочных тесках невинности, хотя испытывала себя ни раз при виде мужского тела, приятные ощущения: прижимать свою грудь к себе и думать о ином, оголенные ноги мои — колени, лишались привычных уродливых складок, разглаживались и становились круглее, разве это не то великолепие дарящее наслаждения мужчинам? Смотреть на округлые формы женщины! Держа себя в руках, я не чувствовала доверия к себе, я понимала, что должна хранить свою невинность больше, надёжнее в своих мыслях, но на меня напирала сильная тяга познания себя через мужскую плоть. Может я вообще не пригодна для ласк, и люди, имевшие гибкость ума, одарены твёрдостью тела. К черту бы всяческий дар, если ты чувствуешь одиночество своей кожи.

Я нашла себе флирт на каждый день – думать под наблюдением. Стоят тут, простаивать свою жизнь, давать осадок ожиданию. Может, когда-то хорошенечко растрясусь, глотая пыль с изнанки. К тому же, само ожидания того, что может и не произойти, дает множество возможностей. А пока везде царит тишина и покой и лишь «здравствуй» звучит как мелодия. Я глубоко вздохнула, прежде чем зайти в дом, потом, сквозь дом и вышла на сторону леса от последствий. Усевшись на скамью и оперев спину о нагретую стену дома, я задрала ноги, производя дурное впечатление лишь на себя, вытащила разглядевшую занозу в доске лавке, принялась наковыривать свою ручную кожу, такое же действие имела заусеница или пощёлкивания ногтя о ноготь, несложные манипуляции приходилось знать из основ замкнутости внутреннего мира. Я жалила кожу осколком дерева, пытаюсь нарушить генетическую частоту мелких вен, расползающихся под кожей, словно паразиты. Короткие пальцы моих рук оказывали сопротивления на укушенный нерв, как пятиглавый цепной дракон, извивались в болезненном сопротивлении, глупая кровь, совсем не знала, что здесь ее смешают с грязью. Всё происходящее проверялось действительностью, где-то посередине между возможностью и необходимостью во всей многообразии их связи.

Глава 5

Впереди в черной мантии выдвигался представитель от небесной службы, смело вышагивая широкими шагами. Святой отец всегда больше радовал своим отсутствием. Присутствие же его состоялось годами раньше, пытаясь втюхать свою веру, как назойливые обвинители осуждаемого. Он убеждал в надежности искренних вложений в бога. Мол, душа за каменной стеной лишена уязвимости к искушению из порочного круга, а это- то к чему должен стремиться каждый человек или, что там они обычно говорят? Развивающаяся у подножья ряса, от шагов издавала звук запутавшегося ветра у ступней, белый ворот на шее удушливо томил его закрытую плоть. Я смотрела сквозь него, думая о его безумии, что приходит быстро при взгляде на женщину: обнажить её, но он лишь оттягивал свою шею в бок, словно тугой ошейник сдавливал сдержанные привычки своего неосуществимого желания. С приближением его крупной фигуры, которая отчетливо выделяла совершенные параметры тела, как правило, чужаки в зажатых ртах молчаливо хвалили в величии спины, сопровождая завистливыми перешёптываниями, мол, «на таких обычно шьют фраки». Чёртов ублюдок вышагивал так, словно на пьедестал почета, возносил свою вырывающую изнутри, скрытую натуру. Он не позволял чужим языкам говорить о себе раскрепощёно, разглядывая, все его «вкусные места», касаться его кожи в жадности речевой откровенности, и мысленно доводить в любовных деяниях. Я могла видеть, как за ним позади, стояла целая толпа юных раздумывавшихся девственниц их первого греха, и как они желали, чтобы именно он впустит их в чистый мир раскаяние. Его образ напоминал игральную карту, что выщелкивала, бросаясь на стол покрыть слабого, от силы масти. Даже все его изъяны для соблазна женщин были четко расставлены по телу: шрам, чуть заметный на верхней губе, ближе к левому краю, (склонял к поцелуям невзначай, но нарочно для искушения), его кожные сгибаемые надломы, которые совершенствовались прочностью, закрепившейся замятостью кожи: у рта, шеи, глаз, кисти рук. Он весь был расчерчен возрастными линиями, указывающие на ориентиры близости. Я заморожено с расширенными зрачками могла мгновенно улавливать образец заинтересованности, хватая его разные куски тела. В его голосе присутствовала влага слюны, как сегмент склеивающихся налаженных мотивов, долгих, тянущих не выпускающих объятий, обволакивающие душным послевкусием, как будто сладость вишневого вечера. Мужественный проросший щетинками подбородок придавал стойкости сформированной харизме. Длинные карие волосы были опрятно прибраны назад и касались мощного щита для слабого пола. Выбивались лишь единицы, поджав закругленные концы. Зеркало души достаточно глубоко располагалась от костных глазниц, и для их цвета пришлось бы продолжительно вглядываться, что было не уместно в его положение. Из оставшихся особенностей для наблюдения людей, были жесты рук, прикасавшиеся исключительно к нему самому, легкая ухмылка краем губ, крупные замеченные вены, уходящие вглубь черной ткани. Шейное отклонение имело постоянное напряжение, выделяло протяженность жил. Он подошел ближе и сразу выказал своим видом презрения к моим задраным ногам, что тут же перешли в геометрическую фигуру бесконечности, поджатую друг под друга. Подол моего длинного платья растянулся парашютом в стороны. Заговорить хотелось без ограничения слов и присутствующего на нём титула. О чём, спросить? Чтобы не доставлять удовольствие, а прервать понятный круг взаимодействия. Не всегда работало замысловато. Импровизация выходила глупее примитивного.

– Неужели такое возможно? Ты что, сначала стал священником? А потом вырос? Ну и угораздило же тебя.

Я вмешалась в беседу вне очереди в своей язвительной манере, и тут же выругалась «черт» во мне сыграла не зрелость, в детской форме – забавы.

– Почему?

Он смутился.

– Ты красивый!? – помедлила я

– И идти в женские массы распространяется, куда приятней, чем в вашей божественной теории.

Я смотрела на него снизу вверх, щуя глаза от солнца. Он повёл мышцами рта. На его лице промелькнул интерес.

– Услышав такое от незнакомки, забудешь не сразу. Я всё же советую вам проявить больше уважения юная леди к моему достоинству, перед вами всё-таки священник.

– Достоинства?

Я не вольно хихикнула.

– Вроде как мужское?

– Вы себе позволяете довольно многое в разговоре.

Достаточно сурово произнёс он.

– О, спасибо, что поинтересовались! На самом деле, не так много, как хотелось бы, но если нарушить привычный порядок, последовательности, то получается достаточно разнообразно. Священник глянул на меня с замешательством.

– Чем же ты тут занимаешься? Когда не расхищаешь мужчин откровениями.

Он смягчил голос, уловив всю иронию.

– Трачу, нервы людей! Приобретая бесценный опыт!

Священник Яков Лукич сдерживал свои интересы в беседе, стискивая скулы.

– А Бог входит в твои познания?

– Мне бы не хотелось разрушать ваш дух оптимизма, но знаете, Бог самый худший герой, о котором мне доводилось читать, но лучший из злодеев, да и в наше время Бог, скорее народная достопримечательность

– От чего такое мнение?

Яков удивился. Я затаила ответ.

– Он бездействует, остается всегда в стороне, не знаешь от чего спастись, когда зло очевидно, от него можно как минимум вымыслить щит.

– А каким героем хочешь стать ты?

Яков нахмурился в любопытстве, сохранял голову в одном положении, будто выслушивать меня собирался один раз и внятно.

– Я хочу стать защитником воображаемых мыслей, всё то, что недооценивают.

Я поджала губы, опустила глаза, заметив за собой глупость, выданную вслух.

– Больше похоже на бездействие.

И священник от самоуверенности сунул руки в карманы. Этот жест, звук по одежде, шорох по ткани, врезался в мою голову, как нужный момент из будущего, словно «дежавю». Моя кардиограмма нервного мышления задрезжала, и вся система внутри меня раскололась. Ну как так случилось, что моё сердце вдруг по-предательски стало подавать импульсивные маяки, прыгая в груди подобно бую, что на воде. Зачем эти карманы в рясе? Зачем? Перебивала я своё состояния, взяв фразу в квадрат, и циклично, снова и снова убеждала организм в ошибочных ощущениях. Разве рясу не носят одной сплошной накидкой? Что он тут вообще делает?

– Это я выделил основу из твоих слов.

В продолжении он чуть наклонился, вглядываясь в мое затихшее лицо.

– Я не бездействую! Я в запасе! А вы, настолько отчаявшийся человек, что не способны думать иначе?

Обидчиво буркнула я.

– И я не пойму, у нас какой характер у спора?

– Дружелюбный.

– Уверены?

– Если отследить путь увлечённости, параллель высказываний, сравнить весь реквизит к диалогу, вложенный в каждое слово, говорящий взгляд эмоциями за нас...

– Достаточно! На самом деле, одной библией тут не обошлось, – перебила я его.

Священник кивнул, выполнив при этом какой-то жест во рту, при котором челюсть его скривилась в сторону, а щеки втянулись, после продолжил.

– Почему ты здесь? Никогда не задумывалась о совершенном, неведении, повлёкшее ужасное обстоятельство, оставить тебя тут?

Он всё поглядывал на дверь, будто хотел удержать свой визит дольше. Я оглянулась вслед за ним.

– Что бы то ни было, чужой поступок оказался не гуманнее моего. С лёгкой краткостью я опубликовала свой ответ.

– И к тому же этой истории не будет!

– Ты будто охладела.

Подметил он, уловив мою торопливость.

Он был из тех, кто также как и я мог улавливать малейшие вибрации поведения по одной лишь интонации, мне надо быть осторожней, подумала я тише, хотя уже поздно мы с первого взгляда разгадали друг друга. Мне тут же захотелось прописать нашу разницу в разговоре с прояснением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.